

УДК 94:323.28(470-25)"1937/1938"
DOI: 10.25688/2076-9105.2020.40.4.05

**Е. Е. Кувшинова,
А. Ю. Челнокова**

Репрессии педагогической интеллигенции Москвы в немецкой операции НКВД 1937–1938 годов

Статья посвящена судьбам репрессированных педагогов Москвы и Подмосковья, расстрелянных на Бутовском полигоне в период Большого террора 1937–1938 годов. В центре внимания авторов — жизненные обстоятельства представителей отдельных социальных групп и биографии конкретных людей, представителей немецкого сообщества в СССР.

Ключевые слова: Бутовский полигон; репрессии; политэмигранты; немецкие учителя и преподаватели: национальные школы.

В 1935 году в СССР проживало 11 327 немецких подданных, но в последующие годы их количество сокращалось в результате активной кампании по переводу иностранцев в советское гражданство, и в 1937 году в стране осталось около 4000 граждан Германии [2: с. 16]. К этому числу следует прибавить еще 4,6 тыс. политэмигрантов, приехавших в СССР по подложным документам. К весне 1938 года были арестованы 70 % членов Коммунистической партии Германии, проживавших в СССР. К октябрю того же года на свободе остались 363 члена КПГ, 328 из них проживали в Москве [Там же: с. 41], 10 % политэмигрантов не были этническими немцами [Там же: с. 53].

Небывалые по масштабу расстрелы 1937–1938 годов были, как известно, следствием решения Политбюро ВКП (б) от 2 июля 1937 года о проведении широкомасштабной операции по репрессированию целых групп населения. Во исполнение этого решения вышел «знаменитый» оперативный приказ № 00447 от 30 июля 1937 года за подписью Ежова по организации репрессий против кулаков, национальных групп и антисоветских элементов. За несколько дней до него вышел приказ об аресте в пятидневный срок германских

подданных, «немецких шпионов... осевших в совучреждениях» по всей территории страны [1: с. 61–62].

Непосредственным посылом к исследованию стало приглашение ММК «Бутовский полигон» к дальнейшей разработке тематики экспозиции музея по этническим и профессиональным группам, делающей акцент на репрессированных учителях, преподавателях вузов, техникумов, курсов повышения квалификации, т. е. всех тех, кого можно причислить к педагогическим работникам Москвы и Подмосковья и чья судьба навеки связана с Бутово.

В концепции экспозиции музейного центра определены несколько основополагающих подходов, реализуемых при проектировании: историко-хронологический, образно-сюжетный и систематический. Экспозиционные комплексы строятся на основе сочетания этих подходов, с концентрацией внимания на различных операциях НКВД: кулацкой, латышской, польской, немецкой, церковной, операциях по бывшим представителям царского офицерства и чуждым социальным группам.

Одной из таких групп, представленных в будущей экспозиции, станет профессиональное сообщество педагогов, немецкие учителя и преподаватели. Таким образом, одной из задач исследования с учетом цели проектирования новой части экспозиции становится воссоздание биографий репрессированных немецких педагогов, реконструкция тех реалий жизни, которые стали причиной их личных трагедий. Особенность исследования — в направленности на работу с делами выбранной группы лиц — представителей немецкой диаспоры и носителей немецкой культуры Москвы и Московской области, числившихся работающими в период репрессий в школах, средних профессиональных учебных заведениях, на курсах повышения квалификации и в вузах Москвы и области.

В центре нашего внимания находятся биографии конкретных людей, и при этом вполне обоснованно возникают вопросы методологического характера, например о возможности полноценного восстановления обстоятельств судеб людей, далеко не выдающихся и известных, но рядовых преподавателей и учителей, зачастую беспартийных, в сленге НКВД — так называемой низовки.

Основными источниками для исследования немецкой педагогической интеллигенции, погибшей на полигоне Бутово, стали фонды двух архивов — Государственного архива РФ и Центрального объединенного архива учреждений системы образования г. Москвы. Полученные в результате архивного поиска документальные материалы вводят в научный оборот новые данные, помогают уточнить и дополнить имеющиеся электронные базы о жертвах массовых репрессий, пополняют фондовые коллекции ММК «Бутовский полигон», готовы стать основой дальнейшего развития музейной экспозиции и экскурсионных маршрутов по территории мемориального центра.

В нашем распоряжении чаще всего находились следственные дела ГА РФ фонда 10035 Управления Комитета государственной безопасности СССР по г. Москве и Московской области. Фонд сформирован из архивно-уголовных

дел на лиц, в отношении которых преследование было прекращено и они были реабилитированы в 1939–1969 годах. Основную часть фонда составляют следственные дела, заведенные по различным пунктам ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, весьма специфичные по содержанию и состоящие из стандартного перечня официальных документов: справки на арест, анкеты арестованного, протоколов допросов обвиняемого и свидетелей, обвинительного заключения, копии приговора, материалов проверки и реабилитации, т. е. в основном не содержат материалов личного происхождения, кроме анкеты арестованного, редко — фотографий, очень редко — собственноручных записей, поскольку эти документы имеют право получить родственники и они этим правом в свое время воспользовались.

Выбранные территориальные рамки исследования позволяют провести архивный поиск биографических данных репрессированных педагогов не только в вышеобозначенном архивном фонде ГА РФ, но и параллельно в фондах Центрального объединенного архива учреждений системы образования г. Москвы. Данный архив интересен для исследования возможностью обнаружения личных дел и личных карточек педагогов, а также результатов их профессиональной деятельности. Здесь по фондам некоторых старых московских школ хранятся документы за 1930-е годы. Это весьма скромные по содержанию материалы, которые не дают исчерпывающей информации, но в значительной степени могут дополнить биографические данные о профессиональной деятельности выбранной группы и обладают другими важными характеристиками для изучения жизни московских школ предвоенного периода. Большой удачей для исследования является наличие в архиве ЦОА УСО г. Москвы фонда немецкой школы им. Карла Либкнехта, поскольку, как правило, даже незначительные по объему сведения по преподавательскому составу за предвоенные годы в школах просто не сохранились.

В бутовских списках репрессированных были обнаружены имена 45 преподавателей и ученых немецкого происхождения, причиной гибели которых стало осуществление немецкой операции НКВД. Среди них 23 эмигранта из Германии и Австрии, приехавших в СССР по причине установления на их родине фашистского режима, и 22 «русских» немца — выходцы из Поволжья, с территорий Польши и прибалтийских республик, входивших ранее в состав Российской империи.

Для политэмигрантов из Германии выбор оказался фатальным. Известные политические деятели КПП и Коминтерна выбора практически не делали: они были обречены и в Германии, и в СССР. В этом отношении показательна судьба Вальтера Конрадовича Гениша — члена КПП с 1931 года, входившего в партийное руководство Берлина. Еще в родительском доме Вальтер Гениш познакомился с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Францем Мерингом, Карлом Каутским и другими руководителями левого крыла Социал-демократической партии Германии. Его отец — Конрад Гениш — был известным государственным и политическим деятелем Веймарской республики,

почетным доктором Франкфуртского университета имени Иоганна Вольфганга Гете. После смерти отца Вальтеру становятся близки взгляды Карла Маркса и Фридриха Энгельса и он сближается с немецкими коммунистами. В начале 1932 года Вальтер Гениш вместе с супругой Габриэлой, также убежденной коммунисткой, выехал в Москву, где они были приняты на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но и здесь за не соответствующие линии партии взгляды на историю Первого интернационала Гениш подвергся критике со стороны партийной организации института и 15 апреля 1935 года был уволен с работы в связи с «ограниченной трудоспособностью». А далее с сентября по декабрь 1935 года Вальтер Гениш работал в редакции газеты *Das Neue Dorf*, в начале 1938 года получил должность редактора газеты на немецком языке *Deutsche Zentral-Zeitung*, главного органа печати Коминтерна [5: с. 101–110]. Начиная с 1937 года большое количество людей в кругу друзей Гениша были арестованы, что означало начало Великой чистки. Вальтера Гениша арестовали в его московской квартире в переулке Островского 11 марта 1938 года, 17 мая дело по обвинению в шпионаже было заслушано, а 16 июня 1938 года он был расстрелян в Бутово.

В отличие от Гениша другой герой нашего исследования Ганс Густавович Гельман политэмигрантом не был. Этот известный немецкий ученый в области химии и физики приехал в СССР по приглашению Академии наук СССР 31 апреля 1934 года вместе с семьей и не без колебаний принял советское гражданство в 1936 году. На родине в Германии ученый был лишен права преподавания. Основной причиной выбора в пользу СССР была возможность работы в области квантовой химии и ведения семинаров в крупнейшем центре теоретической химии — Физико-химическом институте им. Л. Я. Карпова, а дополнительной — увлечение социалистическими идеями и украинское прошлое жены. Ганс Густавович Гельман был арестован 9 марта 1938 года. Приговор вынесен тройкой при УНКВД СССР по Московской области 17 мая 1938 года, а 29 мая 1938 года в возрасте 34 лет выдающийся ученый был расстрелян на Бутовском полигоне НКВД под Москвой по обвинению «в шпионаже в пользу Германии», его подозревали в передаче секретных сведений о работе института и теоретической группы по квантовой химии, которую он возглавлял. Виктория Гельман пережила суровые времена: с трудом устроилась работать учительницей немецкого языка в сельской средней школе в Лотошино Волоколамского района Московской области, в 1941 году была арестована и сослана в Казахстан, разлучена с сыном. Ее обвинили в антисоветской пропаганде и утверждали, что она, еврейка, покинувшая нацистскую Германию, только и ожидает немцев, чтобы перейти на их сторону. В 1957 году Виктория Гельман получила справку о реабилитации мужа¹.

¹ Вайнер Л. Между жерновами фашизма и большевизма: Ганс Гельман — один из основоположников квантовой химии [Электронный ресурс] // Вестник. 2000. 6 июня. № 11 (244). URL: <http://www.vestnik.com/issues/2000/0606/win/vainer.htm> (дата обращения: 19.04.2020).

В архиве Центрального объединенного архива учреждений системы образования г. Москвы был обнаружен след профессиональной преподавательской деятельности еще одного немецкого эмигранта, еврея по национальности — Гюнтера Максимовича Ауэрбаха, выходца из германского города Бреславля, где в нацистский период преследовались польское, чешское, еврейское меньшинства и депортировались в концлагеря. В фонде московской школы № 559 Москворецкого района сохранились общие приказы по дирекции за 1930-е годы. В приказе № 3 от 28 августа 1936 года о приеме на работу среди других учителей он отмечен как новый преподаватель. Молодой, тридцатитрехлетний беспартийный учитель со средним образованием преподавал немецкий язык в пятом классе школы один учебный год. По приказу № 21 от 11 июня 1937 года об очередных отпусках учителей он получил отпуск с 22 июня по 20 августа 1937 года, а по приказу № 22а от 1 сентября того же года он был освобожден от занимаемой должности с 21 августа по распоряжению Городского отдела народного образования (ЦОА УСО г. Москвы. Школа № 559 Октябрьского РОНО, бывшего Москворецкого РОНО. Ф. 1339, Оп. 1л/с, Д. 3, ЛЛ.2, 8–9). Весь следующий, 1937/38 учебный год к нему было приковано внимание НКВД; после последнего ареста 22 марта 1938 года следствие шло недолго, и 16 июня 1938 года он был расстрелян на Бутовском полигоне, обвиненный в шпионаже в пользу Германии, а реабилитация прошла только в 1957 году.

Школа же, судя по официальным документам, продолжала жить своей обычной жизнью, приказы по дирекции рассказывают о поощрениях и порицаниях сотрудников за их работу. В то же время чувствовалось приближение войны: в штате преподавателей появился военрук, проводились военизированные походы и осенью 1940 года старшеклассники начали подготовку к сдаче норм на коллективный знак «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» (ПВХО) Осоавиахима. Для этого был оборудован специальный класс с макетами авиабомб и огнетушителей, противогазами и «антигазационными веществами», где установили «электрифицированную доску» для демонстрации специально заказанных узкоплечных фильмов по ПВХО (ЦОА УСО г. Москвы. Школа № 559 Октябрьского РОНО, бывший Москворецкий РОНО. Ф. 1339. Оп. 1 л/с (Приказы по дирекции). Д. 3. Л. 42–44).

Страна ждала войну. Вследствие этого шла по нарастающей волна унификации пестрого социально-этнического конгломерата, который проживал на территории СССР и в перспективе должен был стать советским народом. Репрессии касались российских немцев всякий раз, когда они покидали места своего компактного проживания, например в Поволжье, и перемещались в центральные районы, привлекая внимание НКВД.

Следующий герой нашего исследования — Федор Филиппович Бузик — родился в АССР Немцев Поволжья и был сыном крестьянина. Несмотря на это, он еще до революции закончил индустриальный институт в Москве, позже служил в царской армии в звании подпоручика, а с 1918 по 1935 год — в Красной

армии, т. е. сделал военную карьеру и был аполитичным, не являясь членом ни одной партии. На момент ареста 14 февраля 1938 года он жил и работал в Москве, преподавал в Автодорожном институте НКВД им. В. М. Молотова. Обвинение по статье 58 УК было предъявлено Федору Филипповичу сразу по нескольким пунктам — 6, 8, 11. Его обвиняли в контактах с агентурой немецкой разведки и причастности к организованной террористической группе, которая якобы готовила покушения на крупных военных деятелей, таких как С. М. Буденный. Как видно, причин для ареста по логике НКВД было достаточно: немецкое происхождение, военная карьера, работа в системе НКВД, которая чистила свои ряды одними из первых. Постановление НКВД СССР 17 мая 1938 года «О ВМН» для Федора Филипповича было приведено в исполнение 28 мая 1938 г. Реабилитация последовала только в 1957 году (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 31679. Л. 4, 36–37).

В годы Большого террора достаточно было иметь только контакты по работе с немецкими специалистами или одно только немецкое происхождение чтобы быть привлеченным по соответствующей статье УК. Аналогично судьбе Ф. Ф. Бузика сложились судьбы других «русских» немцев, например Михаила Готфридовича Наумана — выходца из Гродненской губернии, специалиста-химика, преподавателя учебного комбината фабрики «Буревестник», расстрелянного 28 мая 1938 года в Бутово (ГА РФ. Ф. 10035. Д. 5441. Л. 7, 20–21, 76–77), или Вутке Олега Алексеевича (Отто Густавовича) — известного архитектора, преподавателя Московского архитектурного института.

Родители О. А. Вутке были немцами Поволжья, они переехали из Самары еще до рождения сына. Олег Алексеевич окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества в 1915 году (РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Ед. хр. 2172. Личное дело Отто Густавовича). Он участвовал в создании множества архитектурных сооружений, разработал структурную систему фахверкового жилого дома, в основу которого был положен стандартизованный легкий деревянный каркас. С 1924 по 1928 год он участвовал в проектировании первого рабочего поселка в Иваново-Вознесенске, состоявшего из 144 зданий. Он часто отправлялся в заграничные командировки, в том числе и в Германию. Результатом европейской командировки архитекторов Государственного научно-экспериментального института гражданских, промышленных и инженерных сооружений О. А. Вутке и Г. Я. Вольфензона стала серия статей в журнале «Строительная промышленность» за 1928–1929 годы.

Арестовали Вутке 14 марта 1938 года по обвинению в сборе шпионских сведений по оборонным предприятиям СССР и вербовке лиц для шпионской деятельности на территории страны, а также вхождении в контрреволюционную шпионскую группу. Постановлением Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР по обвинению в шпионаже в пользу Германии архитектор был приговорен к высшей мере наказания и 28 мая 1938 год расстрелян и похоронен на полигоне в Бутово, реабилитирован О. А. Вутке в сентябре 1957 года.

Наибольшая концентрация педагогов немецкого происхождения была в московской школе им. Либкнехта. Школа была открыта в 1924 году как немецкая трудовая школа первой ступени № 37 Сокольнического района. К этому времени в Москве уже работали пять национальных школ: армянская, еврейская, латышская, польская, татарская [4: с. 41].

По данным статистики, в 1924 году в столице проживали 8037 немцев, из них 1607 — в школьном возрасте [3: с. 21]. Однако сами немцы, живущие в Москве, к новой большевистской школе отнеслись с недоверием. Основную часть учеников в 1920-е годы составляли дети немецких рабочих и специалистов, приехавших в СССР. Кроме немцев в школе учились венгры, итальянцы, японцы, финны, родители которых являлись сотрудниками аппарата Коминтерна, членами ВКП (б) или иностранных компартий. Учениками школы были также русские и еврейские дети московской беспартийной интеллигенции — врачей, юристов, инженеров.

В начале 1930-х годов повышенный интерес к немецкой школе начинает проявлять партийное руководство страны в связи с привлечением в СССР иностранных специалистов и квалифицированных рабочих, призванных обеспечить выполнение первого пятилетнего плана. Для работы в школе приглашаются педагоги из Германии. Школа переводится в новое здание на Садово-Спасской улице, дом 6, переходит из Сокольнического района в подчинение Городского отдела народного образования, получает новое название: полная средняя школа № 54 им. Карла Либкнехта. Окончательно определяется ее элитарный характер: школа предназначена для детей иностранцев и представителей советской номенклатуры. Начиная с 1933 года школа начинает принимать детей немецких политэмигрантов, а в 1934 году учениками школы становятся около сотни детей австрийских шуцбундовцев.

Документы фонда 322 немецкой школы им. Карла Либкнехта в Центральном объединенном архиве учреждений системы образования г. Москвы относятся к периоду 1930–1938 годов, когда школа перешла в подчинение горно, и включают в себя личные дела некоторых преподавателей и сотрудников, небольшое количество документов, связанных с жизнедеятельностью школы: запросы о трудовых списках сотрудников, письма и заявления директору школы по разным вопросам, а также метрики, свидетельства о рождении, личные дела учеников школы.

Всего в фонде 86 папок, из них сорок — это личные дела преподавателей. В личных делах сохранилось очень мало документов: в основном это учетные карточки просвещенца, в некоторых случаях автобиографии (есть только в 22 личных делах, из них на немецком языке — 7 биографий) в печатном и рукописном вариантах. Анализ информации учетных карточек преподавателей школы позволяет определить возраст, национальность, социальное происхождение и положение, уровень образования, партийность и пр. Для учителей-иностранцев добавлены пункты: «Откуда прибыл», «С какого времени в СССР». Интересно, что в анкету включен и пункт «Чья рекомендация».

Из 40 преподавателей 15 немцев, один швейцарец, одна венгерка, 10 евреев, 12 русских, одна украинка. Таким образом, сохранились личные дела 21 учителя-иностранца, из них 13 мужчин, 8 женщин. Среди учителей-иностранцев было 8 членов КПГ, 3 — члены ВКП (б), 2 — члены ВЛКСМ, 7 беспартийных, по К. В. Вальцу сведений нет. У 13 преподавателей — высшее образование, у четырех — среднее, у четырех нет сведений об образовании. В основном (кроме К. Целяско) все прибыли в СССР после 1930 года (ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1).

Известно, что в эти годы в школе работали и другие преподаватели-иностранцы (Г. Шинкель, Ф. Лешницер, Э. Ризель, Г. Биркенфельд, Г. Полак, И. Шреттер, В. Массан, Г. Люшен, Г. Гершинский, Ф. Кауфман, К. Бертрам, П. Шмидт и др.), но их личных дел в фонде 322 нет.

По данным исследователей, с 1931 по 1938 год в школе работало 67 преподавателей-эмигрантов: из Германии — 46 учителей, из Австрии — 10, из Венгрии — 6, из Швейцарии — 3, из Болгарии — 1, из США — 1 [3: с. 82–83].

Преподавание и деловое общение в школе проходили на немецком языке, хотя каждый учитель должен был владеть и русским языком. Работали квалифицированные педагоги, практически все с высшим образованием, и качество преподавания было очень высоким. По воспоминаниям учеников школы, большинство учителей были яркими индивидуальностями, увлеченными натурами, отличались неординарностью, обладали широкими взглядами и разносторонними интересами. Многие были членами КПГ, ВКП (б), комсомольцами. Иностранцы составляли большую часть учительского коллектива, и даже занимали директорский пост. Очень высокие требования предъявлялись при отборе учительских кадров, учитывались рекомендации на работу. В школе преподавали достаточно молодые учителя, и преобладали учителя-мужчины. Как и во всех советских школах этого периода, была большая текучесть кадров, но в то же время можно отметить, что в немецкой школе сложился и постоянный костяк преподавателей.

Школа им. Карла Либкнехта была закрыта в январе 1938 года, в момент, когда Политбюро ЦК ВКП (б) дало Ежову санкцию на продолжение «национальных операций» и в соответствии с Постановлением Оргбюро ЦК ВКП (б) от 24 января 1938 года «О реорганизации национальных школ», в котором предлагалось указанные школы реорганизовать в советские школы обычного типа» [3: с. 202]. Национальные школы объявлялись делом рук «враждебных элементов» и «очагами буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей».

С 1937 года начались аресты учителей школы. Первые задержания были связаны с «раскрытием» контрреволюционной фашистской организации в Республике Немцев Поволжья летом 1937 года. По версии следствия, в нее входили и бывшие учителя немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве: бывший директор школы (в 1933–1934 гг.), немецкий коммунист Гельмут

Шинкель, учитель Герман Штильке (личных дел этих преподавателей нет в фонде 322). Герман Штильке был расстрелян в декабре 1937 года, Гельмут Шинкель отбывал восьмилетний срок в концлагере [3: с. 129]. Еще один бывший директор немецкой школы (март 1935 – март 1936 гг.) — Карл Целяско был объявлен агентом германской разведки, который якобы раздавал задания членам этой организации.

В фонде 322 сохранилось личное дело К. Г. Целяско, а в нем — единственный документ — печатная копия автобиографии на десяти страницах. Из автобиографии узнаем, что Карл Густавович родился в 1900 году в Восточной Пруссии в семье строителя, у него было шестеро братьев. В 1914 году «стал учеником плотничьего ремесла», в 1918 был взят в немецкую армию и служил в Западной Пруссии. После поражения ноябрьской революции Карл Целяско приехал в Советскую Россию и сделал партийную карьеру в Республике Немцев Поволжья: в 1921 году в Воронеже вступил в ряды ВЛКСМ, потом получил направление в немецкую Совпартшколу в Москве, по окончании которой был направлен ЦК ВЛКСМ в Республику Немцев Поволжья; в 1923 году вступил в члены ВКП (б), а в 1924 году получил направление на учебу в немецкий сектор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ); учебу закончил в 1927 году и получил направление на партийную работу в Таганрог, в январе 1929 года был вызван в Москву на работу в Центральный институт повышения квалификации учителей в качестве заведующего Нацсектора (ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1. Личное дело Карла Густавовича Целяско).

Работая в различных структурных подразделениях народного образования Москвы, Карл Целяско много раз в качестве инспектора бывал в немецкой школе им. Карла Либкнехта. Летом 1932 года по заданию ЦК КПГ был командирован в Берлин. Во время пребывания в Берлине познакомился с группой выпускников школы в Нойкельне и пригласил их на работу в Москву. Позже Бруно Кремке, Отто Бранд, Гейнц Люшен, Георг Гершинский и Гейнц Войдке станут преподавателями немецкой школы им. Карла Либкнехта.

Автобиографию Карл Целяско заканчивает сообщением о своем назначении в феврале – марте 1935 года директором немецкой школы им. Карла Либкнехта и постановкой первоочередных задач деятельности: «То — за что надо всеми силами бороться сейчас — это учительские кадры: надо улучшить состав учителей, подобрать освобожденных классных руководителей и пионервожатых. — Основная задача, основная предпосылка — улучшить воспитательную работу в школе» (ЦОА УСО г. Москвы. Фонд 322. Оп. 1. Д. 1. Личное дело Карла Густавовича Целяско).

После ареста К. Целяско почти год провел на Лубянке. Его имя под номером 84, кат. 1 (АП РФ. Оп. 24. Д. 416. Л. 331) есть в списке лиц «Москва-центр, Московская область», подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза СССР от 3 мая 1938 года (подписи: Сталин, Молотов, Ворошилов; АП РФ. Оп. 24. Д. 416. Л. 326). Кроме того, Карл Густавович Целяско,

1900 года рождения, под номером 88 указан в списке лиц, осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу по приговору Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 9 мая 1938 года. Документ подписан В. Ульрихом².

В январе 1938 года НКВД в Московской области начинает «раскручивать» дело об организации «Гитлерюгенд», которая, по мнению следователей занималась контрреволюционной, фашистской деятельностью. В ходе оперативных мероприятий было арестовано несколько десятков представителей немецкой молодежи, проживавших в это время в Москве [3: с. 132]. Аресты коснулись учителей и учеников уже закрытой школы имени Карла Либкнехта.

Одним из первых по этому делу был расстрелян Курт Арендт, который работал пионерским вожатым в школе им. Карла Либкнехта. Приговор был приведен в исполнение в Бутово 28 февраля 1938 года [Там же: с. 132]. В фонде 322 сохранилось его личное дело, а в нем всего три документа: автобиография на немецком языке (две страницы печатного текста), расписка в получении в школе документов от 19 апреля 1937 года (оригинал), запрос из Клуба иностранных рабочих им. Тельмана № 0/63 о высылке трудового списка «бывшего служащего» К. Г. Арендт (оригинал).

В автобиографии Курт Георгиевич Арендт сообщает о том, что родился в 1906 году в Берлине, отец был служащим в банке. С 1914 по 1922 год учился в народной школе, а с октября 1922 года по 1926 год получил рабочую специальность слесаря на заводе в Берлине, потом до 1930 года работал помощником слесаря. С 1930 года стал работать в агитбригаде «Колонна левых», которая с концертами объехала все крупные города Германии: Гамбург, Бремен, Мюнхен, Франкфурт и др.

В 1931 году агитбригада через Польшу прибыла в СССР, выступила с концертами во всех крупнейших индустриальных центрах страны, а потом на советском корабле вернулась в Германию. Во время плавания участники агитбригады познакомились с экипажем советского судна и получили приглашение приехать во Владивосток. В Берлине, в местном комитете, одобрили такую поездку, и в конце мая 1931 года на корабле «Терек» агитбригада отправилась во Владивосток. По прибытии были даны концерты на различных предприятиях Владивостока, Иркутска и других городов. Потом агитбригада приехала в Москву. В столице Курт и его товарищи работали в качестве наемных рабочих — автослесарей на заводе «Динамо», несколько раз бывали на Урале и посетили Кузбасс.

С 1933 по 1935 год Курт Арендт работал в Московском клубе иностранных рабочих в качестве руководителя молодежной группы. В январе 1935 года по рекомендации Коминтерна был направлен в школу им. Карла Либкнехта для работы пионервожатым. В 1927 году вступил в КПГ. С 1932 года стал членом советского профсоюза работников просвещения.

² Документ опубликован на сайте «Бессмертный барак»: <https://bessmertnybarak.ru>.

Известно, что в деле «Гитлерюгенд» фигурантами были еще два учителя немецкой школы: Курт Бертрам и Рудольф Зенглауб (политэмигрант, рабочий из Тюрингии, в школе был инструктором по труду). Личных дел этих преподавателей в фонде 322 нет.

Сама школа в деле «Гитлерюгенд» упоминается как место вербовки участников этой организации. Кроме учителей к этому делу «приобщили» и некоторых учеников школы им. Карла Либкнехта [3: с. 133].

В феврале – марте 1938 года из учительских квартир в доме № 11 по 12-й Сокольнической улице на Лубянку увезли австрийца Петера Шнур-Коларича, Бронек и Эрику Ротцейг, Елизавету Келен-Бартош [Там же: с. 131]. Все они были учителями школы им. Карла Либкнехта. В фонде 322 сохранились личные дела Бронек и Эрики Ротцейг. В личном деле Бронек Ротцейга всего четыре документа: личная карточка (оригинал, заполнена в 1934 году), рукописный вариант личной карточки, карточка учета педагогических кадров немецкой средней полной школы им. Карла Либкнехта с производственной характеристикой (печатный вариант), рукописная справка о том, что Б. Ротцейг по совместительству работает в Московском энергетическом институте.

Из документов можно узнать, что Бронек родился в 1902 году, по национальности — еврей, социальное происхождение — торговец, социальное положение — ИТР., беспартийный, женат, образование высшее — физика, специальность — физик, знает немецкий, французский и английский языки, прибыл в СССР из Германии в 1933 году (ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1. Личное дело Бронек Ротцейга).

В личном деле Эрики Ротцейг сохранилась автобиография (рукописный и печатный варианты на русском языке), карточка учета педагогических кадров школы им. Карла Либкнехта и учетная карточка просвещенца — оба документа заполнены самой Эрикой, удостоверение о том, что Э. Г. Ротцейг работала в средней немецкой школе № 54 им. Карла Либкнехта горono в качестве педагога 1–4-х классов с августа 1934 года по август 1937 года (оригинал). Из автобиографии Эрики узнаем, что она родилась в 1895 году в Лейпциге, она немка, отец — книгоиздатель. Эрика окончила консерваторию в Лейпциге, в 1922 году познакомилась с Бронекком.

Бронек и Эрика Ротцейг были беспартийными, но симпатизировали коммунистам. На их квартире в Лейпциге проходили подпольные собрания профсоюзной организации КПП. После фашистского переворота и нескольких обысков в их квартире Бронек выехал в СССР, через некоторое время в СССР приехала и Эрика с сыном Александром, который родился в 1930 году. В январе 1934 года Бронек и Эрика Ротцейг приняли советское гражданство (ЦОА УСО г. Москвы. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1. Личное дело Э. Г. Ротцейг). После ареста родителей их восьмилетний сын был определен в детдом, потом его увезли на Украину, в Днепропетровск. В детдоме Александр получил новую фамилию — Ройцин [3: с. 135].

Бронек Ротцейг был осужден Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР по обвинению в участии контрреволюционной фашистской организации, приговорен к расстрелу 17 мая 1938 года, приговор приведен в исполнение в Бутово 6 июня 1938 года. Его жена после смерти Сталина вернулась в ГДР. Бронек Ротцейг реабилитирован 20 августа 1957 года.

В результате сталинских репрессий пострадали более 40 учителей и около 50 учеников школы им. Карла Либкнехта [Там же: с. 137]. Восемь учителей и трое учеников этой школы были расстреляны в Бутово [Там же: с. 130].

В нашем исследовании речь шла в основном о жертвах Большого террора — этнических немцах и носителях немецкой культуры, оказавшихся в Москве и репрессированных в Бутово. С позиции НКВД, все эти люди были представителями «враждебной» национальности и их необходимо было уничтожить. Очевидным становится то, что профессиональная деятельность учителей и преподавателей институтов не становилась, как можно было бы предполагать, причиной репрессий. Только немецкое происхождение эмигрантов и российских немцев, немецкие знакомства и контакты, поездки на территорию Германии были истинным поводом для действий НКВД.

По результатам исследования яснее проявляется сущность агрессивной национальной политики СССР 1930-х годов, формировавшие единую общность «советский народ» из людей-винтиков не только идеологическими, но и репрессивными методами. Тотальность и неотвратимость государственного террора коснулись всех национальных групп, всех народностей и всех социальных слоев населения СССР. Историкам предстоит еще очень долго размышлять над этими страницами нашей истории.

Литература

1. Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М.: Альзо, 2004. 400 с.
2. Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть»: немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 341 с.
3. Мусиенко Н. С., Ватлин А. Ю. Репрессированная школа. История немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, 1924–1938. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 240 с.
4. Сеть учреждений народного образования Московской губернии. М.: МОНО, 1924. 366 с.
5. Stammberger G., Peschke M. Gut angekommen — Moskau. Das Exil der Gabriele Stammberger 1932–1954. Berlin: Basisdruck Verlag, 1999. 472 s.

Literatura

1. Butovskij poligon. 1937–1938 gg. Kniga Pamjati zhertv politicheskix repressij. Vy'p. 8. M.: Al'zo, 2004. 400 s.
2. Vatlin A. Yu. «Nu i nechist'»: nemeckzaja operaciya NKVD v Moskve i Moskovskoj oblasti 1936–1941 gg. M.: ROSSPE`N, 2012. 341 s.

3. Musienko N. S., Vatlin A. Yu. Repressirovannaya shkola. Istoriya nemeczkoy shkoly' im. Karla Libknexta v Moskve, 1924–1938. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2014. 240 s.

4. Set' uchrezhdenij narodnogo obrazovaniya Moskovskoj gubernii. M.: MONO, 1924. 366 s.

5. Stammberger G., Peschke M. Gut angekommen — Moskau. Das Exil der Gabriele Stammberger 1932–1954. Berlin: Basisdruck Verlag, 1999. 472 s.

**E. E. Kuvshinova,
A. Yu. Chelnokova**

**Repression of Moscow's Pedagogical Intelligentsia
in the German NKVD Operation of 1937–1938**

The article is devoted to the fate of repressed teachers in Moscow and the Moscow region who were shot at the Butovo training ground during the great terror of 1937–1938. The authors focus on the life circumstances of representatives of certain social groups and biographies of specific people, representatives of the German community in the USSR.

Keywords: Butovsky polygon; repressions; political emigrants; German teachers and teachers: national schools.